

ВЫСОКИЙ ДЕНЬ

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА ПЕРКИНА

«Высокий день» — так называлась его первая книга, изданная в Москве. 1980-й, олимпийский год... Казалось, что всё впереди. И признание на высшем уровне, и книги со свежим ароматом типографской краски, и новые волны вдохновения. Как быстро мчалось время! И вот они, строки раздумий:

Жизнь моя, вся ль ты уже за плечами?
Время моё, ты стремглав пронеслось.
Сколько я людям доставил печали,
Сколько принёс им обиды и слёз!

...Что-то же, видимо, всё-таки было,
Что-то светилось, горело во мне,
Если тянулось ко мне и любило
Столько народа на этой земле.

Начало этой жизни — 26 декабря 1943 года в южноуральском посёлке Аккермановка. Там в пригороде металлургического Новотроицка в семье рабочих родился Владимир Перкин. Война, Победа, детство. Первые его стихи появились в 1959 году на страницах городской газеты «Гвардеец труда», затем областной «Комсомольское племя». Уехав навсегда, поэт потом не раз навещал родной посёлок, школу. Посвятил ей такие строки:

Я пройду по гулким коридорам
Школы аккермановской родной,
До всего дотрагиваясь взором,
Прикасаюсь ко всему рукой.

Здесь в саду свисали с каждой ветки,
Излучая золотистый свет,
Щедрые медовые ранетки —
Ничего на свете слаще нет.

Здесь открылись первые дороги
На Урал-реку, на Губерлю,
Здесь впервые, голосочком дрогнув,
Я признался родине: «Люблю».

Поступил в Уральский университет, служил в армии, продолжил учёбу на факультете журналистики МГУ. В 1970 году по распределению попал в Орёл — в редакцию «Орловской правды». Сюда через год приехала и жена Людмила — выпускница того же факультета.

Владимир работал в промышленно-транспортном отделе, но ещё с армейских лет одолевала его поэтическая стихия. Уже 6 сентября 1970 года на страницах «Орловской правды» появилось первое стихотворение под названием «Порыв» — о чувствах солдата при запуске ракеты. Вместо репортажа или аналитической статьи начинающий журналист нередко возвращался с завода или стройки в редакцию с... небольшой поэмой. Пример тому — поэтический репортаж «Майна — вира» о бригаде заслуженного строителя РСФСР Л.П. Борунова (Орловская правда, 1970, 6 ноября), стихотворные зарисовки «Крылья» о машинисте электровоза локомотивного депо станции Орёл В.В. Бучинском (1971, 30 марта), «Березуйка» о доярке болховского колхоза имени М. Горького Светлане Балашовой (1971, 18 июня), «Свет полей» о председателе новосильского колхоза «Россия» Н.М. Кутузове (1971, 25 августа).

Но больше было стихов о солдатских буднях, о героях минувшей войны. Тогда, как

итог поездок по Орловщине, родилось пронзительное стихотворение «Каменные солдаты»:

Иду я по тёплой, по доброй земле.
Миную то рощу, то хату.
В каждой деревне, в каждом селе —
По каменному солдату.

Стоят они — тень на глаза легла.
Стоят от Москвы и до Бреста, —
Не внесены ни в списки села,
Ни в воинские реестры...

Если б созвать их со всей страны,
Чтоб встали, гранит к граниту,
Не было б крепче такой стены, —
Из вечности их отлитой.

И я предложил бы поправку в устав:
Коль страшная грянет тревога,
Внесите их, маршалы, в личный состав —
Они ещё сделают много.

Перкина уже через год работы в Орле приглашают на областной семинар молодых литераторов, затем на межобластной — в Тулу. Он становится участником 6-го Всесоюзного совещания молодых писателей. Его часто зовут на поэтические праздники в Брянск, Тулу. И он с упоением читает:

Это же мы, запрокинув вихры,
В звёздные всматривались миры;
Мы же, упрямые, злые, как черти,
Землю спасали от атомной смерти;
Переживали единой семьёй
Звёздный гагаринский
Взлёт над Землёй.

Поэт Давид Кугультинов так отозвался о растущем орловце: «Перкин сумел создать живой образ нынешнего солдата мирного времени — образованного, подготовленного, сильного не только могучей техникой, но и высоким нравственным зарядом. Сила таланта Перкина заключается в том, что он даёт читателю всё время ощущение неразрывной, родственной что ли, связи армии и народа» (Литературная Россия, 1971, 24 дек.). А вот отзыв Сергея Викулова: «Стихи Перкина отличались оригинальностью мысли, патриотизмом, гражданственностью, остротой поэтического зрения... Точная поэтическая деталь — украшение многих его стихов».

На удивление, орловские коллеги и критики были несколько сдержаннее «всесоюзных». Так Владимир Громов в рецензии «Свет сердца» (Орловская правда, 1973, 31 окт.), назвав Перкина «нашим новейшим орловцем», заметил: «Истинное чувство современности у Перкина неотделимо от того, что принято называть живой связью времён. Она, к счастью, им тоже не декларируется, и находит непринуждённо-образное выражение... Автор лишь представился своей первой книжкой лишь представился нам, но, разумеется, далеко не раскрылся. Самое трудное — впереди».

Анатолий Яновский в рецензии «Сердцу дорого» (Орловская правда, 1979, 25 марта) охарактеризовал стихи младшего товарища как «лирико-публицистическое обращение к современнику», подчеркнув, что некоторые «по своей точности мысли, поэтической простоте звучат почти хрестоматийно». Для Бориса Попова в отклике «Восхождение на Солнечную гору» (Орловский комсомолец, 1979, 27 июня) было важно отметить: «Сы-

новняя любовь к отцу, матери, Родине... без неё не было, нет и не будет настоящей поэзии».

Парадокс: получающий признание поэт и рядовой корреспондент промышленного отдела газеты так или иначе совмещались в натуре Перкина. Порой удачно и оригинально (репортажи в стихах!), порой буднично и серо, прочтите, например, строки из его статьи «С закрытыми глазами» (Орловская правда, 1976, 4 июня): «Именно в эти дни претерпели некоторые изменения и технология, позволившая увеличить производительность труда, улучшить качество работы. Значительно повысилась культура производства... Качество выпускаемой продукции было предметом разговора на заседании парткома, но инициативы сталепрокатчиков оказались вне поля зрения заводского коллектива». Избитый новояз передовиц грозил погасить поэтические живые искорки...

Прозаик, а в те годы корреспондент «Орловской правды» Юрий Оноприенко вспоминал: «Перкины зазывали нас к себе домой, и там мы спорили обо всём: возвышенном и бытовом — но никогда о низменном, о пошлом. Говорили не о деньгах, а о поэзии. Смешно, конечно: почти ругались насчёт того, может ли журналист быть поэтом и какое «звание» выше.

— Этого разделять нельзя, — горячилась Люда. — Главное, чтобы человек был личностью. Художник всегда должен быть личностью! Ничтожество никогда не напишет ни одной глубокой строки. Его гниль всегда вылезет наружу, сквозь любые словесные красоты. Слово создано для честных.

Её очень скоро избрали председателем профкома. Так на долгие годы и осталась она бессменным профкомовским лидером

редакции, успевая, конечно же, почти ежедневно давать в номер информации да репортажи».

Эти споры находили отражение в стихах Перкина, например, в стихотворении «Листая газеты» (Орловская правда, 1978, 19 марта). Жаль, что поэт не включал его в свои сборники:

Я листаю старые газеты,
Нахожу забытые портреты,
Шелестят страницы в тишине...
Только будто что-то вдруг случилось,
Сердце так встревожено забилось —
Кажется, всё это обо мне...
А в душе строит неотразимо:
Будет ли в смятенье и огне
Трепетать потомок мой далёкий,
Пробежав сегодняшние строки,
Не меня — себя узнав во мне?...

После сомнений и раздумий, после выхода в свет первых книг «Стихи о пережитом» (1973) и «Чистый цвет» (1975), вступления в Союз писателей СССР (декабрь 1976 года) Владимир Перкин решил расстаться с журналистикой — он переходит в Орловское отделение Приокского книжного издательства на должность старшего редактора. С одной стороны, открываются новые возможности для литературной работы и общения с коллегами из других регионов и столиц, с другой, — куда выше уязвимость для критики со стороны товарищей по писательской организации. К примеру, на собраниях в вину ему ставили то, что чаще других выступает на заводах и в колхозах (а ведь его, действительно, всегда рады были пригласить на творческую встречу). Порой упрекали и за

печаль в стихах — это было непозволительно властителю дум.

В январе 1982 года прозаик Иван Подсвилов метал громы и молнии в адрес Перкина: «У нас давно укоренилась вредная практика включать рукописи в издательские планы без обсуждения на писательских собраниях. Издательскую пищу готовят на тесной кухне при закрытых окнах, так сказать, келейно, в узком домашнем кругу, оттого она пахнет привкусом отсебятины, оттого выходящие в местном издательстве книги всё чаще подвергаются критике в печати, оттого они серые и периферийные по своим идейно-художественным достоинствам. Недавно мы увидели очередное блюдо тайной кухни: план Приокского книжного издательства на 1982 год... Везде проглядывает нечестность, служебная подтасовка». И конкретно о сборнике Перкина «Сердцу дорого» (1978): «Вышла книга сырой, с явными неточностями... Разве можно после этого говорить о поэтических достоинствах всерьёз? Не погонись автор за листажом, отсей всё скороспешное, неуклюжее, книга могла бы выглядеть лучше».

Увы, такая критика была эмоциональной, основанной на частных просчётах. На деле Перкина коллеги по перу ценили как внимательного редактора — с ним рукопись с минимальными «простоями» доходила до читателя. Но порой и сам он не был чужд критического настроения, на одном из собраний итожил: «Писатели пассивны, нужно активнее участвовать в газете. Нас зовут, а мы инертные. Писатель может поставить вопрос, проблему. Он вооружён опытом, словом. Издаётся сборник «Земля родная» — вот где писателям развернуться. Однако

письмо от издательства даже не зачитали писателям».

Отдушиной были только-только народившиеся Фетовские поэтические праздники, литературное объединение, где вёл занятия. Поэт Ирина Семёнова вспоминает: «Он был душой объединения — семинаристы любили его. Высокая, массивная фигура, мягкая улыбка...» Перкин волновался из-за каждого студийца, не пропускал ни одной рукописи молодых. Он очень хорошо чувствовал поэтическое слово, ему везло на добрых людей. Прозаик и поэт Валентин Васичкин запомнил своего старшего коллегу таким: «Спокойный, немногословный, профессионал». Из стихов студийцев Перкин собрал книгу «Орловские дали» (1979).

А в душе «доброго великана» нарастал новый кризис: издательство не могло удовлетворить авторские и читательские запросы, редактор Перкин не мог повлиять на громоздкую и неповоротливую издательскую политику в провинции. К тому же жена Людмила всё сильнее скучала по столичной жизни. Бывшие однокурсники, сделавшие карьеру в Москве, звали к себе. И вот в 1985 году настал день, когда чета Перкиных с сыном Денисом покинула уютную орловскую квартиру на улице 7 ноября и перебралась в столицу. Владимир Петрович сразу занял высокую должность главного редактора издательства «Современник», Людмила Петровна — не менее ответственную должность редактора одной из редакций ТАСС (позднее её чин здесь именовался ещё внушительнее: «ответственный секретарь Главного выпуска»).

Должность главреда всероссийского издательства если и была не самой хлопотной, то по затратам нервов, по необходимости (в

год выходило более ста наименований книг) лавировать среди авторов, критиков, чиновников, финансистов и полиграфистов — едва ли не истребительной для природы поэта. Много, очень много делалось в ущерб собственному творчеству. Поэт и прозаик Станислав Золотцев вспоминал: «Немалое множество людей всегда тянулись к теплу и свету его души. Всегда, с первых дней нашего знакомства (он тогда ещё жил в Орле) ощущал я в нём какую-то особую, обаятельную основательность. Да, ему была присуща та надёжность, его отличала та прочность духовная, что издавна являлись «генетическими» чертами и свойствами «коренников» трудового народа нашего, русских работающих мужиков. Есть такое уже забытое слово — «мастеровой»... И при всём этом — полное неумение и совершенное нежелание «подавать» себя в выгодном свете. Отсутствие какого бы то ни было стремления к эффектности в жизни и творчестве... Просто — русский поэт. Не возвеличенный и не восхваленный при жизни, без титулов, без званий, лаврами не увенчанный».

Когда зримым стал развал прежней книгоиздательской системы, Перкин в 1990 году ушёл из «Современника» в новое издательство «Московский писатель». Предстояло ему проработать здесь десять лет. Провозглашённая свобода позволяла издательствам самим не только определять приоритеты, но и решать такие будничные вопросы, как, скажем, выбор типографии. И здесь главному редактору пригодились его орловские связи — он размещал заказы в типографии «Труд», сам навещался в Орёл, чтобы заодно повидаться со старыми друзьями по писательству и журналистике. Не во время ли таких встреч рождались строки:

Я закрою глаза — и нахлынет сирень.
Город майской сиренью охвачен.
Многогласием птиц наполняется день
В этом городе, словно на даче.

Или белое-белое, тихо шурша,
Вдруг повалится, мрак убивая.
В этом городе русском зима хороша
Так, что лучше уже не бывает.

Здесь по осени золотом очи полны —
От берёз и от клёнов...

Помыслить:

Не пора ли к богатствам родимой страны
Это золото тоже причислить?

А весною Ока, отойдя ото сна,
Рвётся к яру в неистовой силе.
В этом городе мне вся Россия видна
Потому, что он — в сердце России.

Издатель Перкин тогда делился с орловцами своей мечтой о многотомном проекте «Вся Россия», где одно из самых заметных мест заняла бы Орловщина. Первый том вышел в 1993 году. Представляя его читателям газеты «Мы и время», он писал: «Здесь коллизии истории, те узловые противоречия, где наш российский ум пытался найти какие-то ходы и выходы, что-то порой удавалось, что-то не удавалось». Под редакцией Перкина в этой серии вышли тома «Любовь и Восток» (об Оренбургской губернии и области, 1994), «Врата Рифея» (о Челябинской области, 1996), двухтомник «Московия» (М., 1997), посвящённый 850-летию столицы. Первый том — документально-художественное повествование о городе, от первого летописного упоминания о нём до отрече-

ния от власти императора Николая II. Второй том рассказывал о событиях XX века, связанных с Москвой. Были опубликованы эссе, документы, справочная информация, воспоминания, хроника. Министерство образования России рекомендовало издание как пособие для факультативного чтения по истории России и Москвы.

Также в серии вышли «Иртышский вертоград» (об Омской области, 1998), сборник поэзии и прозы Валентина Устинова (1998), альманах «Надмосковье» (1999). Увы, орловский сборник под обложкой «Всей России» тогда так и не состоялся...

Книги Перкина «Такая в сердце грусть...» (1997) и «Солнечная гора» (1998) были изданы в «Московском писателе» при поддержке Фонда подвижничества и просветительства «И возродится великая Русь». Этот фонд тоже нашёл в орловской типографии надёжного партнёра — по рекомендации Перкина в «Труде» были напечатаны сочинения А.С. Пушкина в одном томе. 800-страничное издание энциклопедического формата было приурочено к 200-летию со дня рождения великого поэта и стало событием всероссийского масштаба...

Несмотря на все невзгоды и бесконечные заботы 1990-х, поэт не терял любви к жизни:

Я всхожу на Солнечную гору,

Мне виден пик сияющий уже.

«Да где она?» — вы спросите с укором.

Отвечу вам: она в моей душе.

Столичный житель, Перкин признавался: «У меня две любви — Южный Урал и Орёл». Он был участником памятной литературной горницы в Москве в Союзе писателей в 1994 году, где перед именитыми коллегами блестяще читали прозу и стихи

орловские собратья. Участвовал и в масштабных днях культуры Орловской области в Москве в 1997 году.

Его публикации появлялись на страницах «Литературной России», в журналах «Север», «Наш современник», в альманахе «Поэзия». Всего вышло больше десятка книг стихотворений. В Туле: «Стихи о пережитом» (1973); «Чистый цвет» (1975), «Сердцу дорого» (1978), «Костёр отца» (1984), «На ясном рассвете» (1989). В Москве: «Высокий день» (1980), «На долгие года» (1988), «Крыло радуги» (1992), «Однажды проснуться...» (1993), «Такая в сердце грусть...» (1997), «Солнечная гора» (1998). Был составителем сборника стихов и прозы молодых авторов «Отчизна доверяет нам судьбу» (М., 1989), его произведения вошли в двухтомную антологию «Стихи о войне» (М., 2005). Иногда печатался и на малой родине: в сборниках «Вечный берег: Два века поэзии Оренбуржья» (Калуга, 1994), «Я говорю с тобой, мой Гай» (Оренбург, 1999). Биографическая статья о поэте была включена в словарь «Литературное Оренбуржье» (2006).

В начале 2000-х Владимир Петрович тяжело заболел. Практически год был прикован

к постели. Казалось, болезнь отступила. Он верил, что вернётся к обычному ритму творческого московского бытия. Но не выдержало сердце, о котором в последней книге были строки:

Эту мёрзлую землю
Оттаивай сердцем своим.
Этим маленьким сердцем
Такую огромную землю.

Поэт умер 24 декабря 2002 года, за два дня до 59-летия...

В 2018 году в Новотроицке была открыта памятная доска на здании школы № 2. В городе проходят литературные вечера, посвящённые его творчеству. А в Орле нет-нет, да услышишь на конкурсе юных чтецов написанные в первую орловскую весну строфы:

Пропах сиренью город на Оке.
Куда ни глянешь — что за наважденье:
По улицам, по скверам, по реке
Неистовое шествие сирени.

Мгновенья эти в сердце унеси:
В них радость бьётся, светлая, живая.
Сирень, сирень бушует на Руси,
Околицы и хаты поджигая.

Алексей Кондратенко.

